

Солдат и Смерть

а)

Один солдат прослужил двадцать пять лет, а отставки ему нет — как нет! Стал он думать да гадать: «что такое значит? прослужил я Богу и великому государю двадцать пять лет, в штрафах не бывал, а в отставку не пушают; дай пойду, куды глаза глядят!» Думал-думал и убежал. Вот ходил он день, и другой, и третий, и повстречался с Господом. Господь его спрашивает:

— Куда идешь, служба?

— Господи! прослужил я двадцать пять лет верою и правдою, вижу: отставки не дают — вот я и убежал; иду теперь, куды глаза глядят!

— Ну, коли ты прослужил двадцать пять лет верою и правдою, так ступай в рай — в царство небесное.

Приходит солдат в рай, видит благодать неизреченную, и думает себе: вот когда поживу-то! Ну только ходил он, ходил по райским местам, подошел к святым отцам и спрашивает:

— Не продаст ли кто табаку?

— Какой, служба, табак! тут рай, царство небесное!

Солдат замолчал. Опять ходил он, ходил по райским местам, подошел в другой раз к святым отцам и спрашивает:

— Не продают ли где близко вина?

— Ах ты, служба-служба! какое тут вино! здесь рай, царство небесное!...

— Какой тут рай: ни табаку, ни вина! — сказал солдат и ушел вон из раю.

Идет себе да идет, и попался опять навстречу Господу.

— В какой, — говорит, — рай послал ты меня, Господи? ни табаку, ни вина нет!

— Ну, ступай по левую руку, отвечает Господь; там всё есть!

Солдат повернулся налево и пустился в дорогу. Бежит нечистая сила:

— Что угодно, господин служба?

— Погоди спрашивать; дай прежде место, тогда и разговаривай.

Вот привели солдата в пекло¹.

— А что табак есть? — спрашивает он у нечистой силы.

— Есть, служивой!

— А вино есть?

— И вино есть!

— Подавай всего!

Подали ему нечистые трубку с табаком и полуштоф перцовки. Солдат пьет-гуляет, трубку покуривает, и радехонек стал: «вот взаправду рай — так рай!» Да недолго нагулял солдат; стали его черти со всех сторон прижимать, тошно ему пришлось! Что делать? пустился на выдумки, сделал сажень, настрогал колышков и давай мерить: отмерит сажень и вобьет колышок². Подскочил к нему чёрт:

— Что ты, служба, делаешь?

— Разве ты ослеп! Не видишь что ли? хочу монастырь построить³.

Как бросится чёрт к своему дедушке:

— Погляди-тка, дедушка, солдат хочет у нас монастырь строить!

Дед вскочил и сам побежал к солдату:

— Что, — говорит, — ты делаешь?

— Разве не видишь? хочу монастырь строить.

Дед испугался и побежал прямо к Богу:

— Господи! какого солдата прислал ты в пекло: хочет монастырь у нас построить!

— А мне что за дело! зачем таких к себе при(ни)маете?

— Господи! возьми его оттёдова.

— А как его взять-то! сам пожелал.

— Ахти! — завопил дед, — что же нам бедным с ним делать?

— Ступай, сдери с чертенка кожу и натяни барабан, да после выйди из пекла и бей тревогу: он сам уйдет!

Воротился дед, поймал чертенка, содрал с него кожу и натянул барабан. «Смотрите же, — наказывает чертям, — как выскочит солдат из пекла, сейчас запирайте ворота крепко-накрепко, а то как бы опять сюда ни ворвался!» Вышел дед за ворота и забил тревогу; солдат как услышал барабанный бой — пустился бежать из аду сломя голову, словно бешеной; всех чертей распугал, и выскочил за ворота. Только выскочил — ворота хлоп и заперлися крепко-накрепко. Солдат осмотрелся кругом: никого не видать и тревоги не слышать; пошел назад и давай стучаться в пекло:

— Отворяйте скорее! — кричит во всё горло, — не то ворота сломаю!

— Нет, брат, не сломаешь! — говорят черти. — Ступай себе, куда хочешь, а мы тебя не пустим; мы и так насилу тебя выжили!

Повесил солдат голову и побрел, куда глаза глядят. Шел-шел и повстречал Господа.

— Куда идешь, служба?

— И сам не знаю!

— Ну, куда, я тебя дену? послал в рай — не хорошо! послал в ад — и там не ужился!

— Господи, поставь меня у своих дверей на часах.

— Ну, становись.

Стал солдат на часы. Вот пришла Смерть.

— Куда идешь? — спрашивает часовой⁴.

Смерть отвечает:

— Иду к Господу за повелением, кого морить мне прикажет.

— Погоди, я пойду спрошу.

Пошел и спрашивает:

— Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?

— Скажи ей, чтоб три года морила самой старой люд.

Солдат думает себе: «эдак, пожалуй, она отца моего и мать уморит; ведь они старики». Вышел и говорит Смерти:

— Ступай по лесам и три года точи самые старые дубы⁵.

Заплакала Смерть:

— За что Господь на меня прогневался? посылает дубы точить!

И побрела по лесам, три года точила самые старые дубы; а как изошло время — воротилась опять к Богу за повелением.

— Зачем притащилась? — спрашивает солдат.

— За повелением, кого морить Господь прикажет.

— Погоди, я пойду спрошу.

Опять пошел и спрашивает:

— Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?

— Скажи ей, чтоб три года морила молодой народ⁶. Солдат думает себе: «эдак, пожалуй, она братьев моих уморит!» Вышел и говорит Смерти:

— Ступай опять по тем же лесам и целых три года точи молодые дубы⁷; так Господь приказал!

— За что это Господь на меня прогневался! — Заплакала Смерть и пошла по лесам, три года точила всё молодые дубы, а как изошло время — идет к Богу, едва ноги тащит.

— Куда? — спрашивает солдат.

— К Господу за повелением, кого морить прикажет.

— Погоди, я пойду спрошу.

Опять пошел и спрашивает:

— Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?

— Скажи ей, чтоб три года младенцев морила.

Солдат думает себе: «у моих братьев есть ребятки: эдак, пожалуй, она их уморит!» Вышел и говорит Смерти:

— Ступай опять по тем же лесам и целых три года гложи самые малые дубки.

— За что Господь меня мучает! — заплакала Смерть и пошла по лесам, три года глодала самые что ни есть малые дубки; а как изошло время — идет опять к Богу, едва ноги передвигает⁸. «Ну теперь хоть подерусь с солдатом, а сама дойду до Господа! за что так девять лет он меня наказывает?»

Солдат увидел Смерть и окликает:

— Куда идешь? — Смерть молчит, лезет на крыльцо. Солдат ухватил ее за шиворот, не пускает. И подняли они такой шум, что Господь услышал и вышел:

— Что такое?

Смерть упала в ноги:

— Господи! за что на меня прогневался? мучилась я целых девять лет: всё по лесам таскалась, три года точила старые дубы, три года точила молодые дубы, а три года глодала самые малые дубки... еле ноги таскаю!

— Это всё ты! — сказал Господь солдату.

— Виноват, Господи!

— Ну, ступай же за это, носи девять лет Смерть на закортышках! (на плечах).

Засела Смерть на солдата верхом. Солдат — делать нечего — повез ее на себе, вез-вез и уморился; вытащил рог с табаком и стал нюхать. Смерть увидела, что солдат нюхает, и говорит ему:

— Служивой, дай и мне понюхать табачку.

— Вот-те на! полезай в рожок да и нюхай, сколько душе угодно.

— Ну, открой-ка свой рожок!

Солдат открыл, и только Смерть туда влезла — он в ту ж минуту закрыл рожок и заткнул его за голенище⁹. Пришел опять на старое место и стал на часы. Увидал его Господь и спрашивает:

— А Смерть где?

— Со мною.

— Где с тобою?

— Вот здесь за голенищем.

—А ну, покажи!

— Нет, Господи, не покажу, пока девять лет не выйдет; шутка ли ее носить на закортышках! ведь она не легка!

— Покаж, я тебя прощаю!

Солдат вытащил рожок и только открыл его — Смерть тотчас и села ему на плеча.

— Слезай, коли не сумела ездить! — сказал Господь.

Смерть слезла.

— Умори же теперь солдата! — приказал ей Господь и пошел — куда знал.

— Ну, солдат! — говорит Смерть, — слышал — тебя Господь велел уморить!

— Что ж? надо когда-нибудь умирать! дай только мне исправиться.

— Ну, исправься!

Солдат надел чистое белье и притащил гроб.

— Готов? —спрашивает Смерть.

— Совсем готов!

— Ну, ложись в гроб!

Солдат лег спиной кверху.

— Не так! — говорит Смерть.

— А как же? — спрашивает солдат — и улегся на бок.

— Да всё не так!

— На тебя и умереть-то не угодишь! — и улегся на другой бок.

— Ах, какой ты, право! разве не видал, как умирают?

— То-то и есть, что не видал!

— Пусти, я тебе покажу.

Солдат выскочил из гроба, а Смерть легла на его место. Тут солдат ухватил крышку, накрыл поскорее гроб и наколотил на него железные обручи; как наколотил обручи — сейчас же поднял гроб на плеча и стащил в реку. Стащил в реку, воротился на прежнее место и стал на часы. Господь увидал его и спрашивает:

— Где же Смерть?

— Я пустил ее в реку.

Господь глянул — а она далеко плывет по воде. Выпустил ее Господь на волю.

— Что ж ты солдата не уморила?

— Вишь, он какой хитрой! с ним ничего не сделаешь.

— Да ты с ним долго не разговаривай; пойди и умори его!

Смерть пошла и уморила солдата.

1 Вариант: в аду.

2 Вар. Взял шнур, вынул из ранца кусок мелу, намелил шкур и стал измерять пекло.

3 Вар. Хочу собор построить: придет табель, некуда и в парад идти.

4 Вар. Поставил Бог солдата у райских дверей: «смотри, — приказывает, — никого не пропускай!» — «Слушаю, старого солдата нечего учить». Вот стоит он на часах, никого не пропускает. Идет Смерть. «Кто идет?» — окликает солдат. — «Смерть». — «Куда?» — «К Богу». — «Зачем?..»

5 Вар. Грызи старой лес, которой сто лет на корню простоял.

6 Вар. Средних людей.

7 Вар. Грызи средний лес.

8 Вар. Идет чуть живая: только ветер подует, — так от ветру и валится!

9 Вар. Велел Господь солдату кормить Смерть орехами, чтоб она поправилась. Пошел солдат с нею в лес и заспорил: «ты де не влезешь в пустой орех!» Смерть сдуру и влезла, а солдат заткнул дырочку (в орехе) колышком, спрятал орех в карман, и пошел на старое место.

b)

Жил да был один солдат, и зажился он долго на свете, попросту сказать — чужой век стал заедать. Сверстники его понемногу отправляются на тот свет, а солдат себе и ухом не ведет, знай себе таскается из города в город, из места в место. А по правде сказать-не солгать: Смерть давно на него зубы точила. Вот приходит Смерть к Богу и просит у него позволения взять солдата: долго де зажился на свете, пора де ему и честь знать, пора и умирать! Позволил Бог Смерти взять солдата.

Смерть слетела с небес с такою радостью, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Остановилась у избушки солдата и стучится.

— Кто тут?

— Я.

— Кто ты?

— Смерть.

— А! зачем пожаловала? я умирать-то не хочу.

Смерть рассказала солдату всё, как следует.

— А! если уж Бог велел, так другое дело! против воли Божией нельзя идти. Тащи гроб! Солдат на казенный счет всегда умирает. Ну, поворачивайся, беззубая!

Смерть притащила гроб и поставила посреди избы.

— Ну, служивый, ложись; когда-нибудь надо же умирать.

— Не растабарывай! знаю я вашего брата, не надуешь. Ложись-ка прежде сама.

— Как сама?

— Да так. Я без артикула ничего не привык делать; что начальство покажет: фронт — что ли там, аль другое что, — то и делаешь. Уж так привык, сударка моя! не переучиваться же мне: старенок стал!

Смерть поморщилась и полезла в гроб. Только что расположилась она в гробу, как следует, — солдат возьми да и нахлопни гроб-то крышкой, завязал веревкой и бросил в море. И долго, долго носилась Смерть по волнам, пока ни разбило бурей гроба, в котором она лежала.

Первым делом Смерти, как только она получила свободу, опять была просьба к Богу, чтоб позволил ей взять солдата. Бог дал позволение. Снова пришла Смерть к солдатской избушке и стучится в двери. Солдат узнал свою прежнюю гостью, и спрашивает:

— Что нужно?

— Да я за тобой, дружище! теперь не вывернешься.

— А врешь, старая, чертовка! не верю я тебе. Пойдем вместе к Богу.

— Пойдем.

— Подожди мундир натяну.

Отправились в путь. Дошли до Бога; Смерть хотела было идти вперед, да солдат не пустил:

— Ну куда ты лезешь? как смеешь ты без мундира... идти? Я пойду вперед, а ты жди!

Вот воротился солдат от Бога.

— Что, служивый, правду я сказала? — спрашивает Смерть.

— Врешь, солгала немного. Бог велел тебе прежде еще леса подстригать да горы ровнять; а потом и за меня приниматься.

И солдат отправился на зимние квартиры вольным шагом, а Смерть осталась в страшном горе. Шутка ли! разве мала работа — леса подстригать да горы ровнять? И много, много лет трудилась Смерть за этой работой, а

солдат жил себе да жил.

Наконец и в третий раз пришла за солдатом Смерть, и нечем ему было отговориться: пошел солдат в ад. Пришел и видит, что народу многое множество. Он то толчком, то бочком, а где и ружье наперевес, и добрался до самого сатаны. Посмотрел на сатану и побрел искать в аду уголка, где бы ему расположиться. Вот и нашел; тотчас наколотил в стену гвоздей, развесил амуницию и закурил трубку. Не стало в аду прохода от солдата; не пускает никого мимо своего добра: «не ходить! вишь, казенные вещи лежат; а ты, может, на руку нечист. Здесь всякого народу много!» Велят ему черти воду носить, а солдат говорит:

— Я двадцать пять лет Богу и великому государю служил, да воды не носил; а вы с чего это вздумали... Убирайтесь-ка к своему дедушке!

Не стало чертям житья от солдата; хоть бы выжить его из ада, так не идет: «мне, — говорит, — и здесь хорошо!» Вот черти и придумали штуку: натянули свинячую кожу, и только улегся солдат спать — как забили тревогу. Солдат вскочил да бежать; а черти сейчас за ним двери и притворили, да так себе обрадовались, что надули солдата!... И с той поры таскался солдат из города в город, и долго еще жил на белом свете, — да вот как-то на прошлой неделе только помер.

(Записана в Нижнем Новгороде)

с)

Служил солдат Богу и великому государю целых двадцать пять лет, выслужил три сухаря и пошел домой на родину. Шел-шел и крепко задумался: «Господи Боже ты мой! служил я царю двадцать пять лет, был сыт и одет; а теперь до чего дожил? и голоден, и холоден; только и есть что три сухаря». А навстречу ему убогой нищий и просит милостинку. Солдат отдал нищему один сухарь, а себе оставил два. Пошел дальше; немного погодя попадаетеся ему другой нищий, кланяется и просит милостинку. Солдат подал и этому сухарь, и остался у него один. Опять пошел дальше своей дорожкой и повстречал третьего нищего: кланяется ему старец и просит милостинку. Вынул солдат последний сухарь и думает: «целой дать — самому не останется; половину дать — пожалуй сойдется этот старец с прежними нищими, увидит у них по целому сухарю и обидится;

лучше отдам ему весь, а сам обойдусь кое-как!» Отдал последний сухарь и остался ни при чём. Вот старец и спрашивает его:

— Скажи, доброй человек, чего желаешь, в чём нуждаешься? я те помогу.

— Бог с тобой! — отвечает солдат, — с тебя, старичок, взять нечего: ты сам человек убогой.

— Да ты не смотри на мое убожество; только скажи, чего желаешь, — а я уж награжу тебя за твою добродетель.

— Мне ничего не надо; а коли есть у тебя карты, так подари на память.

Старец вынул из-за пазухи карты и дает солдату:

— Возьми, — говорит, — с кем ни станешь играть в эти карты — всякого обыграешь; да вот на тебе и торбу: что ни встретишь на дороге, зверя ли, птицу ли, и захочешь поймать, — только распахни торбу и скажи: полезай сюда, зверь али птица! и всё сделается по твоему¹.

— Спасибо, — сказал солдат, — взял карты и торбу и поплелся в путь-дорогу.

Шел близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, и пришел к озеру, а на том озере плавают три диких гуся. Вот солдат и вздумал: «дай-ка я торбу свою попробую!» Вынул ее, распахнул и говорит: «эй вы, дикие гуси! полетайте в мою торбу». И только выговорил эти слова — как снялись гуси с озера и прилетели прямо в торбу. Солдат завязал торбу, поднял на плеча и пустился в дорогу. Шел-шел, и пришел в город. Забрался в трактир и говорит хозяину:

— Возьми этого гуся и зажарь мне к ужину, а другого гуся отдаю тебе за хлопоты, а третьего променяй мне на водку.

Вот солдат сидит себе в трактире да угощается: выпьет винца да гусем и закусит. И вздумалось ему посмотреть в окошко: стоит на другой стороне большой дворец, только во всём дворце нет ни одного стекла целого.

— Послушай, — спрашивает он хозяина, — что это за дворец и отчего пустой стоит?

— Да вишь, — говорит хозяин, — царь наш выстроил себе этот дворец, только жить-то в нём нельзя; вот уж семь лет пустеет! всех нечистая сила выгоняет! Каждую ночь собирается там чертовское сонмище, шумит,

пляшет, в карты играет и всякие скверны творит.

Вот солдат пошел к царю.

— Ваше царское величество! позволь, — говорит, — мне в твоём порожнем дворце одну ночь переночевать.

— Что ты, служба! — говорит ему царь, — Бог с тобою! уж были такие смельчаки, брались переночевать в этом дворце, да ни один живой не ворочался!

— Небось, русской солдат ни в воде не тонет, ни в огне не горит. Служил я Богу и великому государю двадцать пять лет, да не умер; а то за одну ночь у тебя помру!

— Я ж тебе говорю: пойдёт туда с вечера живой человек, а утром одни косточки найдут.

Солдат стоит на своем: пусти да пусти его во дворец.

— Ну, — говорит царь, — ступай с Богом, ночуй, коли хочешь; я с тебя воли не снимаю.

Пришел солдат во дворец и расположился в самой большой комнате; снял с себя ранец и саблю, ранец поставил в уголок, а саблю на гвоздик повесил; сел за стол, вынул кисет с табаком, набил трубку — и покуривает себе. Вот ровно в двенадцать часов — откуда что взялось — набежало во дворец чертей видимо-невидимо, поднялся гам, крик, пляс, музыка.

— А и ты, служивой, здесь! — закричали черти. — Зачем пожаловал? Не хочешь ли поиграть с нами в карты?

— Отчего не хотеть! только чур играть моими картами.

Сейчас вынул свои карты и ну сдавать. Стали играть; раз сыграли — солдат выиграл, в другой — опять солдат выиграл; сколько ни ухитрялись черти, а все деньги спустили солдату: он знай себе загребает!

— Постой, служивой, — говорят черти, — есть у нас еще шестьдесят четвериков серебра да сорок золота, давай-ка играть с тобой на это серебро и золото! — и посылают они малого чертенка таскать серебро.

Стали снова играть, солдат всё обыгрывает: уж чертенок таскал-таскал, всё серебро перетаскал, и говорит старому дьяволу:

— Дедушка, больше нету!

— Таскай, пострел, золото!

Вот он таскал-таскал золото, целой угол завалил, а толку всё нету, всё солдат обыгрывает. Жалко стало чертям своих денег; вот они и давай приступать к солдату, да как заревут:

— Разорвем его, братцы! съедим его!

— Еще посмотрим, кто кого съест! — говорит солдат, схватил торбу, распахнул и спрашивает, — а это что?

— Торба, — говорят черти.

— А ну, по Божьему слову, полезайте в торбу!

Только сказал — и полезли черти в торбу; да и много ж набралось их, чуть ни давят друг дружку! Солдат завязал торбу покрепче и повесил на стенку на гвоздь; а сам улегся спать.

Поутру посылает царь своих людей:

— Ступайте, проведайте — что с солдатом делается? Коли пропал от нечистой силы, так приберите его косточки!

Вот и пошли; приходят во дворец — а солдат весело по горницам похаживает да трубочку покуривает.

— Здорово, служивой! не чаяли увидеть тебя живого! Ну, как ночевал, как с чертями поладил?

— Что черти! вы посмотрите-ка, сколько я серебра да золота у них выиграл, вишь какие кучи!

Посмотрели царские люди и вздивовались, а солдат им наказывает:

— Приведите, братцы, да поживее двух кузнецов, да чтоб захватили с собой железную плиту и молоты.

Те бегом бросились в кузницу, и живо справили дело. Пришли кузнецы с железной плитой, с тяжелыми молотами.

— Ну-ка, — говорит солдат, — снимите эту торбу да приударьте ее по кузнешному.

Стали кузнецы снимать торбу и говорят промеж собой: «ишь какая тяжелая! черти — что ли в ней напханы!»

А черти откликаются: «мы батюшки! мы родимые!»

Сейчас положили кузнецы торбу на железную плиту и давай молотами постукивать, словно железо куют. Жутко пришлось чертям, невоготу стало терпеть:

— Смилуйся! — заорали, — выпусти, служивой, на вольной свет, по век тебя не забудем; а уж в этот дворец ни один чёрт ни ногой... всем закажем, за сто верст от него будем бегать!

Солдат остановил кузнецов, и только развязал торбу — черти так и прыснули, и пустились без оглядки в тартарары — в преисподнюю. А солдат не промах, ухватил одного старого черта, разрезал ему лапу до крови:

— Подавай, — говорит, — росписку, что будешь мне верно служить!

Нечистой написал ему в том росписку своею кровью, отдал и наострил лыжи. Прибежали черти в пекло, переполошили всю нечистую силу — и старых, и малых; сейчас расставили кругом пекла часовых и крепко-накрепко приказали караулить, чтоб как-нибудь ни пробрался туда солдат с торбою.

Пришел солдат к царю. Так и так, говорит, очистил дворец от дьявольского наваждения.

— Спасибо, — говорит ему царь, — оставайся жить у меня, стану тебя заместо брата почитать.

Остался солдат при царе жить²; всего у него вдоволь, денег куры не клюют, и задумал он жениться. Оженился, а через год после того дал ему Бог сына. Вот и приключилась этому мальчику хворь, да такая — не может никто вылечить; уж сколько лекарей перебивало, а толку нет ни на грош. И вздумал солдат про того старого черта, что дал ему росписку, а в росписке написал: вечно де буду тебе верным слугою; вздумал и говорит:

— Куда-то мой старой чёрт девался?

Вдруг явился перед ним тот самой чёрт и спрашивает:

— Что твоей милости угодно?

— А вот что: захворал у меня сынишка, не знаешь ли — как бы его вылечить?

Чёрт вытащил из кармана стакан, налил его холодной водою, поставил хворому в головы и говорит солдату:

— Поди-ка, посмотри на воду.

Солдат смотрит на воду, а чёрт его спрашивает:

— Ну, что видишь?

— Я вижу: в ногах у моего сына стоит Смерть.

— Ну, коли в ногах стоит, то будет здоров; а если бы Смерть в головах стояла — то непременно бы помер!

Потом берет чёрт стакан с водою и брызнул на солдатского сына, и в ту же минуту он здоров сделался.

— Подари мне этот стакан, — говорит солдат, — и больше ничего от тебя не надо!

Чёрт подарил ему стакан, а солдат воротил назад росписку. Сделался солдат знахарем, стал лечить бояр и генералов; только посмотрит в стакан — и сейчас скажет: кому помереть, кому выздороветь.

Случилось самому царю захворать; призвали солдата. Вот он налил в стакан холодной воды, поставил царю в головы, поглядел — и видит, что Смерть тут же в головах стоит. И говорит солдат:

— Ваше царское величество! никто тебя не сможет вылечить, Смерть в головах уж стоит; всего-навсего только три часа и осталось тебе жить!

Царь услышал эти речи и сильно на солдата озлобился:

— Как так? — закричал на него, — ты многих бояр и генералов вылечивал, а меня не хочешь? сейчас прикажу казнить тебя смертью!

Вот солдат думал-думал: что ему делать? и начал просить Смерть:

— Отдай, — говорит, — царю мой век, а меня умори; всё равно придется мне помереть — так уж лучше помереть своею смертью, чем лютую казнь претерпеть!

Посмотрел в стакан, и видит, что Смерть стоит у царя в ногах. Тут солдат взял воду и сбрызнул царя: стал он совершенно здоров.

— Ну, Смерть! — говорит солдат, — дай мне сроку хоть на три часа, только домой сходить да с женой и сыном проститься.

— Ступай! — отвечает Смерть.

Пришел солдат домой, лег на кровать и крепко разболелся. А Смерть уж около него стоит:

— Ну, служивой! прощайся скорее, всего три минуты осталось тебе жить на свете.

Солдат потянулся, достал из-под голов свою торбу, распахнул и спрашивает:

— Что это?

Смерть отвечает:

— Торба.

— Ну, коли торба, так полезай в нее!

Смерть прямо в торбу и шурхнула. Солдат — куда и хворь девалась — вскочил с постели, завязал торбу крепко-накрепко, взвалил ее на плеча и пошел в леса Брянские, дремучие. Пришел и повесил эту торбу на горькой осине, на самой вершине, а сам воротился домой.

С той поры не стал народ помирать: рожаться — рождается, а не помирает! Вот прошло много лет, солдат всё торбы не снимает. И случилось ему идти по городу. Идет, а навстречу ему эдакая древняя старушка: в которую сторону подует ветер, в ту сторону и валится.

— Вишь какая старуха! — сказал солдат, чай, давно уж помирать пора!

— Да, батюшка! — отвечает старушка, — мне давно помереть пора, — еще в тое время, как посадил ты Смерть в торбу, оставалось всего житья моего на белом свете один только час. Я бы и рада на покой, да без Смерти земля не примает, и тебе, служивой, за это от Бога непрощеный грех! ведь ни одна душа на свете так же, как я, мучится!

Вот солдат и стал думать: «видно, надобно выпустить Смерть-та; уж пускай уморит меня... И без того на мне грехов много; так лучше теперь, пока еще силен, отмучаюсь на том свете; а как сделаюсь крепко-стар, тогда хуже будет мучиться». Собрался и пошел в Брянские леса. Подходит к осине и видит: висит торба высоко-высоко и качает ее ветром в разны стороны.

— А что, Смерть, жива? — спрашивает солдат.

Она из торбы едва голос подает:

— Жива, батюшка!

Снял солдат торбу, развязал и выпустил Смерть, и сам лег на кровать, прощается с женою и сыном, и просит Смерть, чтоб уморила его. А она бегом за двери, давай Бог ноги:

— Пущай, — кричит, — тебя черти уморят, а я тебя морить не стану!

Остался солдат жив и здоров, и вздумал: «пойду-ка я прямо в пекло; пущай меня черти бросят в кипучую смолу и варят до тех пор, покуда на мне грехов не будет». Простился со всеми, и пошел с торбою в руках прямо в пекло. Шел он близко ли — далеко, низко ли — высоко, мелко ли — глубоко, и пришел таки в преисподнюю. Смотрит, а кругом пекла стоят часовые. Только он к воротам, а чёрт спрашивает:

— Кто идет?

— Грешная душа к вам на мучение.

— А это что у тебя?

— Торба.

Заорал чёрт во всё горло, ударили тревогу, сбежалась вся нечистая сила, давай запирасть все двери и окна крепкими запорами. Ходит солдат вокруг пекла и кричит князю пекельному:

— Пусти, пожалуста, меня в пекло; я пришел к вам за свои грехи мучиться.

— Нет не пущу! ступай, куда знаешь; здесь тебе места нету.

— Ну, коли не пущаешь меня мучиться, то дай мне двести грешных душ; я поведу их к Богу, может — Господь и простит меня за это!

Князь пекельный отвечает:

— Я тебе еще от себя прибавлю душ пятьдесят, только уходи отсюда!

Сейчас велел отсчитать двести пятьдесят душ и вывести в задние ворота, так чтобы солдат не увидел. Сказано, сделано. Забрал солдат грешные души и повел к самому раю. Апостолы увидели и доложили Господу:

— Такой-то солдат двести пятьдесят душ из пекла привел.

— Примите их в рай, а солдата не пущайте.

Только солдат отдал одной грешной душе свою торбу и приказал:

— Смотри, как войдешь в райские двери — сейчас скажи: полезай, солдат, в торбу!

Вот райские двери отворились, стали входить туда души, вошла и грешная душа с торбою, да о солдате от радости и забыла. Так солдат и остался, ни в одно место не угодил. И долго после того он жил-жил на белом свете, да вот только на днях помер.

(Все заимствованы из собрания В. И. Даля)

1 Вариант 1. Служил солдат двадцать пять лет и выслужил три денежки. Идет на родину, а навстречу ему сам Господь с двенадцатью апостолами. Подходит Христос в нищенском образе и просит милостину. «Что ж тебе подать, старичек, — говорит солдат, — хлеба у меня нет ни куска, вот тебе денежка — прими Христа ради!» Пошел солдат своей дорогой, а Господь зашел вперед, повстречал его и спрашивает: «Скажи служивой, чего желаешь?» Апостолы говорят: «Проси солдат, царства небесного!» А он в ответ: «Я двадцать пять лет служил своим умом, и теперь не хочу слушать чужого разуму; дай мне, — говорит, — кисет табаку». Дал ему Господь кисет табаку. На другой день идет Христос и по-прежнему просит у солдата милостину: отдал ему солдат и другую денежку. Пошел солдат своей дорогой, а Господь зашел вперед, навстречу ему, и опять спрашивает: «Скажи, служивой, чего желаешь?» — «Проси царства небесного!» — говорят апостолы. «Не хочу жить чужим умом, — отвечал солдат, дай мне кошель с деньгами». Дал ему Господь кошель с деньгами. На третий день идет Христос и опять просит у солдата милостину: отдал ему солдат и последнюю заслуженную денежку. И в третий раз зашел Господь ему навстречу и спрашивает: «Скажи, служивый, чего желаешь?» — «Проси царство небесное!» — говорят апостолы. «Что вы учите! — сердито закричал солдат, — сказал вам, что не хочу чужим умом жить — и не приставайте!

Вишь, своим умом-то я выпросил кисет табаку да кошель денег, — и сколько табаку ни курю, сколько денег ни беру — все не убывает!» Была у солдата порожняя сума, вот он ее и ухватил и говорит Христу: «Пущай по моему слову будет она полна, чем пожелаю!» — «Ну, пущай!» — сказал Христос и пошел с апостолами своей дорогой.

Вариант 2. Выслужил солдат три сухари и пошел домой. Идет, а навстречу ему Господь с апостолом Петром. «Служивой, дай чего-нибудь перекусить нам!» Солдат дал им по сухарю, себе оставил третий. «Спасибо!» — и пошли они в разные стороны. Вот Господь и говорит апостолу Петру: «Ступай, нагони солдата и спроси, чего от Бога желает?» Нагоняет апостол Петр солдата, а солдат увидав его и кричит: «Что, брат, аль за третьим сухарем идешь? у самого один остался, и не проси — не дам!» — «Нет, служивой! скажи-ка, чего ты от Бога желаешь?» — «Чего желаю? да только колоду карт, да еще коли на что погляжу и вымолвлю: по Господнему слову полезай в ранец! — чтоб все туда и лезло».

2 Вариант 1. Жил-был, и прошло ему время умирать. Посылает Господь ангелов вынуть его душу. Вот ангелы взяли солдатскую душу, понесли по мытарствам и спрашивают у Бога: куда прикажет эту душу — в рай или ад? «Посадите ее в муку вечную, — сказал Господь, — она сама отказалась от царства небесного!» Посадили солдата в муку вечную. Вот он осмотрелся и видит: висят кругом котлы с горячею смолою, а в котлах грешные души мучатся, плачут и скрежещут зубами. Обступили солдата черти: «Ну, служивой, пора и тебе в котел отправляться!» — «Вы меня котлом не страшайте, а давайте-ка лучше играть в карты». — «Нет, брат, полно! мы с тобой играть не станем». — «А вот же врите; станете играть, только торбу вам показать... — «Ништо она с тобою?» — «Со мною». Перепугались черти: «Давай, служивой, карты!» Вот и стали они играть на грешные души. Солдат обыграл. «Ну, теперь ты здесь хозяин!» — сказали ему черти. А он тому и рад, повыпускал из котлов все грешные души, построил их по-солдатски в три шеренги, и повел прямо к райским дверям. «Отпирай ворота!» — кричит солдат. Апостол Петр говорит: «Постой, пойду у Бога спрошу». — «О чем же ты прежде думал?» Пошел апостол Петр к Богу: «Господи! — говорит, — пришел к райским дверям солдат и превел с собой из пекла многое множество грешных душ». — «Прими от него по счету, а самого не пущай в рай. Вот апостол Петр отпер райския двери и стал принимать души — все по одной. А солдат: «Эх, брат, ты и считать не умеешь! а ты вот как считай: раз, два, три — ступай туды! раз, два, три — и я туды!» — и полез было в рай; апостол Петр схватил его за руку: «Нет, —

говорит, — погоди! ты сам не пожелал себе царства небесного, на себя и пеняй!»

Вариант 2. Посадили солдата в ад, увидел он у чёрта два большие ключа и спрашивает: «Что это за ключи?» — «Один от котла, другой от холодной горницы». — «А там что?» — «В котле кипят грешныя души, а в холодной горнице мерзнут». — «Давай играть в карты на эти ключи!» — «Давай!» Солдат выиграл ключи и повыпускал на волю все грешныя души. Пришел чёрт: «Служивой! куда девал ты грешныя души?» Солдат показывает себе на грудь и говорит: «Вотана грешная душа?» Побежал чёрт к своим товарищам: «Ну, братцы! солдат все грешныя души поел! пожалуй, и до нас доберется». И тут же выгнали его из пекла. Собрал солдат всех выпущенных из котла и холодной горницы грешников и повел в царство небесное. «Кто идет?» — спрашивают солдата. — «Я с грешными душами». — «Сюда грешных не принимают; здесь рай!» — «Знаю, что рай, от того и нейду дальше...»